

Андрей Константинов

Юность Барона

Книга первая

ПОТЕРИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К65

Серия «Мастера криминальной прозы»
Оформление обложки: *Юлия Межова*

Андрей Константинов
при участии Игоря Шушарина

Константинов, Андрей Дмитриевич

К65 Юность Барона. Книга первая: Потери / Андрей Константинов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 380, [2] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-096741-4

Всем, кто смотрел легендарный телесериал «Бандитский Петербург», небезынтересно будет узнать, что один из ключевых персонажей фильма — старый вор в законе по прозвищу Юрка Барон, блестяще сыгранный Кириллом Лавровым, в молодости прошел через невероятнейшие жизненные испытания, которые, в итоге, и предопределили его трагический конец. А начиналось все еще в довоенном Ленинграде, когда подросток Юра был пионером, мальчиком из интеллигентной семьи. И его судьба могла сложиться совсем по-другому, кабы не крестный его матери, некогда персональный шофер самого Ленина, имевший неосторожность написать исключительно крамольную по тем временам рукопись...

Итак: 1962 год. Ленинград. Молодой, удачливый вор, провернув очередную квартирную кражу, едет в столицу, чтобы встретиться с человеком из своего далекого и страшного прошлого...

«ЮНОСТЬ БАРОНА. ПОТЕРИ» — первая книга нового цикла Андрея Константинова.

© А. Константинов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2016

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Как-то раз я прочел в подводке к одному из интервью с вашим покорным слугой, что Константинов, по художественным книгам которого снимался сериал «Бандитский Петербург», торжественно объявил, что более к этому материалу возвращаться не станет. Якобы я дал на сей счет нечто вроде аннибаловой клятвы.

На самом деле это полная ерунда. Я никогда не говорил, что окончательно и бесповоротно расстался со своими былыми героями. И с теми, что сюжетно остались живы (навроде Андрея Обнорского), и с теми, чьи истории и судьбы, в принципе, могли заслуживать более обстоятельного рассказа. Взять, к примеру, Юрку Барона, роль которого в сериале блестяще исполнил Кирилл Юрьевич Лавров. Мне этот персонаж очень симпатичен, хотя, конечно, это есть преувеличенно-романтизированный, опригоженный, далекий от реального прототипа образ. А поскольку и в книге, и в фильме со-

всем мельком говорилось о детстве и юности Барона, о том, почему именно так, а не иначе сложилась жизнь у мальчика из приличной семьи, у меня порой мелькали мысли в какой-то форме вернуться к этому персонажу.

Параллельно разные продюсеры, памятуя об успехе сериала «Бандитский Петербург», периодически подкатывались ко мне, намекая, что эту «корову» можно еще немножечко подоить. Это вообще такой тренд нашего времени: если народ, скажем, любит «Иронию судьбы, или С легким паром», то обязательно надо снять продолжение. При этом кинодеятели как-то забывают, что продолжения крайне редко дотягивают хотя бы до уровня первого, завоевавшего сердца зрителей фильма. А уж случаи «переплюнуть» крайне редки: что у нас, что в западном кино. Так что на предложения создания прямого продолжения «Бандитского Петербурга» я всегда отвечал отказом. Но, опять-таки, не потому, что некогда зарекся, а просто не хотелось участвовать в создании машины по зарабатыванию денег за счет надежд телезрителей.

Но вот однажды генпродюсер кинокомпании «Фаворит-фильм» Анатолий Чижиков, с которым мы в свое время плотно сотрудничали, и итогом той работы стали сериал «Защита свидетелей» и книжка «Гоблины», увидел на каком-то телеканале мое интервью в программе, посвященной ретрокриминалу. В данном случае речь шла о Юрии Алексееве,

он же — вор в законе по прозвищу Горбатый. То бишь тот самый человек, с материала о котором, по сути, начиналась моя журналистская карьера и который позднее был выведен в моей книге «Вор» в образе Юрки Барона.

Чижиков книги не читал, но вот мой телерассказ его заинтересовал. Мы встретились, и, когда я поведал некие дополнительные подробности, он загорелся идеей снять про Барона отдельный художественный фильм в стилистике «судьба человека». Как ни странно, эта идея не показалось мне принесенной извне. По-видимому, и во мне самом нечто подобное вызревало и было настроено на схожую волну. Так или иначе, я согласился, и мы, с моим давним соавтором Игорем Шушариным написали сценарий для 12-серийного сериала с рабочим названием «Экспроприатор».

Как мне кажется, история получилась. А потому было бы глупо оставлять ее только лишь сценарным материалом, потому что любая нормальная сценарная работа предполагает литературную основу. Даже если эта основа изначально была зафиксирована не на бумаге, а в голове. Опять же — в кино всего не расскажешь, да само кино еще неизвестно когда выйдет.

То, что у нас начало получаться, — это не вполне кинороман. Я бы сказал, это своего рода литературная версия сериального сценария, живущая самостоятельной жизнью. Тем более что по ходу ра-

боты какие-то мотивировки героев оказалось более уместным и логичным изменить, в каких-то выписанных характерах пришлось сместить акценты, добавить разные «вкусности», характеризующие время, в котором развивается сюжетная линия.

В общем, «не думали — не гадали», а в результате — у собрания моих художественных книг, которое многие читатели условно именуют циклом «Бандитский Петербург», неожиданно появился приквел. И сейчас я с удовольствием представляю читателям первую книгу из трилогии «Юность Барона».

Сразу оговорюсь: мы не собирались писать сугубо приключенческую, разворачивающуюся в разных временных пластах воровскую сагу. «Юность Барона» — это попытка рассказа о непростой судьбе интересного человека, который жил в невероятно сложный исторический период. Жил небезгрешно, но при этом, несмотря на злоключения и превратности судьбы, сохранил в душе благородство, остался патриотом, не превратился в закаменевшего злодея и человека, мстящего за свои жизненные трагедии. А насколько таковая попытка удалась — оставляем сие на суд читателя.

Эту работу мне хочется посвятить Кириллу Юрьевичу Лаврову, с которым в процессе съемок «Бандитского Петербурга» у нас сложились очень теплые, очень человеческие отношения. К слову, Лавров совершенно не стыдился своего участия в

этом фильме, тогда как существует отдельная категория актеров, что нынче брезгливо морщатся: дескать, «ну да, был такой грех, снялся в свое время в бандитском». Короче, позиционируют себя так, словно бы не в кино сыграли, а с нацистами посотрудничали, на оккупированной территории.

А вот Кирилл Юрьевич наоборот — благодарил меня за своего героя. Притом что вплоть до самой смерти Лавров не был обижен ролями, он признавался мне, что в последние годы именно по Юрке Барону его узнавали люди. Подходили, говорили какие-то хорошие слова. Более того, выяснилось, что Кирилл Юрьевич, оказывается, некогда был мимолетно знаком с прототипом Барона — Горбатым... Так что хоть на самом деле и не вполне уместно писать посвящения человеку, который при всей своей неоднозначности, все-таки по жизни был во-ром, с толикой благодарности не вспомнить здесь и Горбатого, было бы в высшей степени несправедливо.

Июнь 2015

ПРОЛОГ

— ...Я скоро приеду и заберу тебя.

— А скоро — это когда? Завтра?

— Нет, не завтра. Скоро — это скоро. А пока слушайся во всем папу и маму. Поняла?

— Это никакой не папа, а дядька Женька противный. Тетя Люся — хорошая. А дядька Женька — противный!

— Оля! Мы же с тобой договорились?! Не тетя Люся — а мама. Не дядя Женя — а папа. Это игра такая, понимаешь?

— Как в дочери-матери?

— Да.

— А НАША мама тоже приедет? Настоящая?

— Конечно. Я ее здесь, в Ленинграде, дождусь, и мы вместе к вам приедем.

— И папа?

- И папа.
- Прямо из Северного полюса?
- Да, прямо оттуда.
- А Лёля?
- Хм... И Лёля.

Стоящий на охраняемом милицией кордоне человек со списками зычно забасил в толпу:

— Граждане отъезжающие, поторопимся! Провожающие — сдайте назад, мешаете работать.

Реагируя на его призыв, в сцену прощания брата и сестры вклинилась Самарина:

— Всё, пора. Юрочка, храни тебя Господь! За Олю не волнуйся. Мы напишем сразу, как только доберемся.

Людмила торопливо чмокнула паренька в лоб, подхватила девочку на руки и...

И... и Ольга заревела в голос.

— Всё будет хорошо. Слышишь, Оля? Честное слово! — Готовый и сам вот-вот разрыдаться, Юрий, мучительно сыскивая нужные, правильные слова, вдруг неожиданно даже для самого себя... запел:

— Протекала речка, через речку мост...

— ...На мосту овечка, у овечки — хвост,— улыбаясь сквозь слезы, подхватила сестра.

Сторожащий узлы и чемоданы Самарин выразительно, с крайним неодобрением зыркнул на су-

пругу. Та часто-часто закивала головой, и секунды спустя все трое уже протискивались к кордону, провожаемые полным отчаяния Юркиным взглядом и завистливыми глазами остающихся.

— Фамилия?

— Самарины.

— Документы!

Человек-шлагбаум долго и пристально изучал протянутые ему документы, поочередно сверяясь со списками. Он уже собирался было поставить напротив фамилий галочки, подтверждающие право на шанс остаться в живых, как вдруг...

— Как тебя зовут, девочка?

— Оля,— вопреки полученным накануне инструкциям с готовностью отозвалась пятилетняя девочка.

— Как-как? — нахмурился человек со списками.

— Она же вам говорит, товарищ! ЛЁЛЯ! — нашелся в экстремальной ситуации Самарин.

— Проходите сразу к вагонам. Не задерживайтесь.

Отъезжающая тройца направилась к перрону. Перед самой посадкой Ольга испуганно обернулась на стоящую за кордоном толпу, состоящую из обреченных, не попавших в спасительные списки людей-теней, ища и не находя среди них брата.

И тогда, встав на цыпочки, Юрка вытянулся во всю свою подростковую долговязость и, призывно

замахав рукой, закричал, обжигая горло ледяным февральским ветром:

— Я скоро приеду! Слышишь? Жди меня!
Я очень скоро приеду за тобой! О-БЯ-ЗА-ТЕЛЬ-
НО ПРИ-Е-ДУ!!!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Домашний кабинет товарища Амелина впечатлял размерами и одновременно удручал полным отсутствием у хозяина мало-мальски художественного вкуса.

Здесь царила эклектика в худшем ее проявлении — хаотичное, бессистемное нагромождение антикварной мебели, картин, светильников, бирюлек и иже с ними безделушек самых разных эпох и стилей. Ну да, на неискушенного посетителя сего сакрального места, предназначенного для раздумий о снижении себестоимости продукции, улучшении ее качества и повышении рентабельности производства, все это сумбурное великолепие воздействовало должным образом. С одного обзорно-беглого взгляда не оставалось ни тени сомнения в том, что директор ленинградской обувной фабрики «Восход» Сергей Борисович Амелин — человек крепко стоящий. Пускай и не на земле, и не в обуви из модельного

ряда возглавляемого им предприятия. Зато — на наборном дубовом паркете и в ботинках производства страны-участницы Варшавского договора.

Первое, что невольно бросалось в глаза, был даже не красного дерева письменный стол, иметь каковой не побрезговал бы любой из великих князей, а висящая напротив одного картина в массивной потускневшей позолоты раме. Сюжетно полотно не шибко настраивало на деловой лад, поскольку изображало сцену подглядывания телохранителя Гигеса за раздевающейся перед вступлением на ложе супругой его патрона — лидийского царя, тирана Сарда. Картина была профессионально выписана под стиль и кисть Жана-Леона Жероме, но даже Барону, с его дилетантскими познаниями в живописи, не составило труда удостовериться в новоделе. Тем более в оригинале Жероме царица поворачивалась к супругу передом, а к зрителю — задом. Тогда как здесь, явно в угоду потенциальному обладателю шедевра, шалунья развернулась на 180 градусов, со всеми вытекающими отсюда анатомическими подробностями...

— Уфф... Умаялся как Жучка,— выдохнул за спиной заступивший в кабинет Хрящ.

Он сгрузил на паркет округлившиеся от барахла хозяйственные сумки и ладонью в платяной перчатке вытер со лба капельки пота.

— А пылища-то у них на антресолях — у-у-у! Весь перемазался, пока лазил,— взгляд блатаря застыл на пышных формах мадам Сард.— Хороша баба, сисястая. Берем?

Одновременно с вопросом Хрящ достал из кармана безопасную в делах мирских, но абсолютно убийственную в ситуациях экстремальных бритву.

— Нет,— качнул головой Барон.— Это подделка. Причем халтурная.

— А я бы взял. Брательнику в подарок. Он у меня такие сУжеты — ох и любит!

Хрящ фривольно изобразил жест рукоблудия, продемонстрировав как именно его родственник обращается с произведениями искусства, после чего подошел к висящему на стене, диссонирующему с прочей обстановкой копеечному отрывному календарю. Исправляя хронологическую неточность, он оторвал вчерашний листок и зачел вслух исходные данные дня наступившего:

— 14 июля 1962 года. День взятия Бастилии. Слышь, Барон? А правда, что ихняя Бастилия — она навроде наших «Крестов»?

— Вроде того,— рассеянно подтвердил напарник, сосредоточившийся на изучении книжных корешков хозяйской библиотеки.

Один из них, внешне наиболее потрепанный, привлек его внимание, и, осторожно вытянувший, Барон понял, что угадал. То был редчайший экземпляр сатирического журнала «Живописец»

образца 1772 года, издания господина Новикова. Да-да, того самого русского просветителя и лютого франкмасона, коего матушка Екатерина особо привечала в ту пору, когда она изволили баловаться интеллектуальным либерализмом. Каким образом данный артефакт оказался в книжном шкафу товарища Амелина, оставалось только гадать. Возможно, ушел в качестве бесплатного бонуса к своим ровесникам — игривому бронзовому амурчику, исполняющему роль подсвечника, и малахитовому чернильному прибору из шести предметов.

— Да-а... Кабы у нас был такой праздник, День взятия «Крестов», уж я бы ТА-АК погулял!

— Хорош языком молотить! Прибери лучше воон те два парных блюда со сценами охоты и салатницу.

— Нам еще посуды для полного счастья не хватало,— проворчал скорее для порядку Хрящ и полез в буфет исполнять поручение.

— Между прочим, это поповский фарфор,— уточнил старший — не по возрасту, но авторитету.

— А чего, попы тоже охоту уважают? А как же «не убий»? Интересно, где он его вообще надыбал? Небось у батюшки какого сменял?

— Заверни во что-нибудь, бестолочь! — приказал Барон, заметив, сколь беспардонно обращается подельник со старорежимным фарфором.— Кокнешь ведь по дороге.

— Ты прям как в магазине: оберните, упакуйте.